

Наталия ЮРКЕВИЧ

Окончила Латвийский государственный университет. Работала в различных учебных заведениях, занимаясь воспитательной работой. Публиковалась в поэтических альманахах и сборниках. На многие стихи написаны песни.

Живёт в Даугавпилсе, Латвия.

ТАМ, ГДЕ РАНЬШЕ ЖИЛИ МЫ...

Солнечный свет в фонтане

Я не громко. Шепну на ушко
Всем, кто близко и слышать может:
Полюбите меня лягушкой,
Всю такую, в зелёной коже,
Всю такую – с зеленым взглядом
Пучеглазых очей бездонных.
Мне от вас ничего не надо.
У меня бриллиантов – тонны.
Их дают иногда на сдачу,
Если мелкой монеты нету.
Не ношу. Раздаю и трачу,
И транжирю по белу свету.

А повсюду несутся визги,
Уличающие в обмане:
«Это блеск, мишура и брызги!
Это солнечный свет в фонтане!
Он дешевый, пустой, поддельный
И другим никогда не станет».
Всем незрячим скажу отдельно:
Это солнечный свет в фонтане!!!
И летят золотые мушки.
И плывет золотая пена.
Полюбите меня лягушкой.
Это сложно. Зато бесценно.

От и до

От забора до забора
– Мой участок.
И дорожка от крылечка
До калитки.

Эти вечные «нескоро»
И «нечасто»,
Ни привета, ни ответа,
Ни открытки.

От печали до печали –
Два притопа,
И распахнутое небо
В пятнах белых.
Ошибаемся в начале,
Копим опыт,
Только вот потом не знаем,
Что с ним делать.

От начала до финала –
Путь не длинный,
Если быстрыми шагами,
Без оглядки.
Кто-то грустный и усталый
Смотрит в спину,
Убеждается, что с нами
Всё в порядке.

Что нам стоит дом построить
На контрастах?
Дождь загадочный на окнах
Чертит знаки.
От забора до забора –
Мой участок.
И табличка: «Осторожно.
Нет собаки».

Варежки

Помню: летят снежинки.
Выше меня сугробы.
Варежки – на резинке,
Не потерялись чтобы.
Так неудобно бегать
В тяжести ста одёжек.
В валенках много снега,
Он мне мешает тоже.
Но я тащусь на горку
По ледяной тропинке.
Снежной покрылись коркой
Варежки на резинке.

Зимы теперь другие.
Падают с крыши льдинки.
Знаешь, кто мы такие?
Варежки – без резинки.

Но только не я...

Гуляют упрямые тучи по собственной воле.
Не падает снег никогда по команде «ложись».
Плывем по-собачьи на деле, а мысленно – кролем.
Читается слева направо короткая жизнь.

А если шептать... по слогам, не спеша, с расстановкой,
И каждую букву распробовать, еле дыша.
Клубочком свернется на старой потертой циновке,
Тебя поджидая в потемках, слепая душа.

А стрелки забудут, в какую им сторону мчаться.
И раньше положенных сроков нагрянет зима.
И кто-то однажды придумает формулу счастья.
Но только не я. Потому что не хватит ума.

Мона Лиза

В городе все уснули.
Час предрассветный близок.
В раме окна бабуля.
Явно не Мона Лиза.
Что-то увидеть хочет?
Или лежать устала?
Что она ищет ночью
В черной дыре квартала?
Даже не шелохнется,
Будто и впрямь картина.
Ждет не дождется солнца?
Или встречает сына?
Или в стекле оконном
Видит, глазам не веря,
Образ, такой знакомый,
Тот, что давно потерян?

Что ее душу гложет
Ночью слепой, незрячей?
Странно... а я ведь тоже
В раме окна маячу.

Продаётся дача

Продается дача.
Огород в придачу.
А еще рассветы –
Пламенем в окно.
Куст сирени справа,
Игры и забавы,
Маленькое лето,
Детское кино.

Стоптаные тапки,
Грабли, вилы, тяпки,
Аромат клубники,
Пчел веселый рой...
Старая скакалка,
Ранняя рыбалка
И шиповник дикий,
Но такой родной.

Что вы? Я не плачу.
Продается дача.
Все обыкновенно:
Розданы долги.
Вот и снова лето.
Старый домик, где ты? –
Крыша, двери, стены...
Мамины шаги...

Захолустье

Нас тут знает каждый кустик,
Каждый камень у реки.
Потому что в Захолустье
Все по-своему близки.
Строго рядом – домик к дому,
Этажей не больше двух.
Вон идёт соседка Тома.
Вон в углу сидит Лопух.
Дядя Фёдор хлещет пиво
И поэтому живой.
А вдоль улицы крапива –
Вечный уличный конвой.
Ну а как же без конвоя? –
С ним как будто веселей.
Ночь нагрянет, и завоет
Пёс Аркашкин Бармалей.
Нет ума – считай калека.
Впрочем, если по уму:
Лишь бы он не кукарекал.
Без него тут есть кому.

Тот взлетит легко и гордо
На рассвете на забор
И такое выдаст forte,
Что созреет помидор,
Огурец раскинет плети
И картошка сбросит цвет.
Никому поспать не светит.
«Просыпайся, старый дед», –
Сам себе сказал и вздрогнул.
(Разговаривать-то с кем?)

И поплёлся дергать свёклу
У сарая в холодке.
Вроде силы на пределе.
Но пошёл – и понеслось.
Не валяться же в постели
И копить на сердце злость.
Жизнь вцепилась – не отпустит.
Ухватилась, как репей:
Воздух сладкий в Захолустье.
Хочешь – ешь, а хочешь – пей.

Там, где раньше жили мы

Там, где раньше жили мы
От зимы и до зимы
И спасались неподъемным одеялом,
Кто-то новый ждет весны,
Все прекрасно влюблены
В мир, которого для нас уже не стало.

Этот наш уютный мир...
Всё зачитано до дыр:
Две березы под окном и шум трамвая.
Дышат ровно и легко
Кухня, комната, балкон.
И опять... температура нулевая.

Где-то бродит кошкин дух.
Но не ловят взгляд и слух
Всё, что здесь еще по-прежнему витает.
Время. Скорость. Суэта.
Арифметика проста:
Почему-то мы всё чаще вычитаем.

Вычитаем этажи,
Совершаем виражи
И рискуем, но со временем все реже.
Вот бы с чистого листа.
Но квартира занята.
Уходите. Здесь не жалуют приезжих.

Да мы просто посмотреть,
Посмотреть и умереть...
В смысле жить, но никого не беспокоить.
Просто, как тут ни крути,
Трудно начисто уйти...
Легче быть...на всякий случай...под рукою...